

Критическій индивидуализмъ въ русской философіи.

(Историко-критическій очеркъ).

1. До самаго послѣдняго времени въ Россіи не было самостоятельной исторіи философіи, не было оригинальной, самобытной философской системы и преемственнаго ряда философскихъ міросозерцаній, естественно развивавшихся одно изъ другого. Но разработанная Тейхмюллеромъ ¹⁾ и Вл. Соловьевымъ теорія „имманентнаго познанія“ и основанная на ней „христіанская метафизика“ являются такою самобытною системою, которая способна къ органическому росту и можетъ послужить основаніемъ для русской философіи ²⁾. Вотъ почему системы Тейхмюллера и Соловьева заслуживаютъ особаго вниманія со стороны русскаго историка философіи. Но еще большее значеніе эти системы имѣютъ для богослова въ виду ихъ религіознаго характера и тѣсной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Придавая большое значеніе религіозному сознанію въ процессѣ богопознанія,— съ одной стороны, и личности, какъ сознательно-свободному началу,— съ другой, эти системы разсматриваются какъ най-

¹⁾ Всѣ сочиненія Тейхмюллера написаны на нѣмецкомъ языкѣ; но въ виду того, что онъ былъ профессоромъ въ русскомъ университетѣ и основалъ въ Россіи свою школу, онъ долженъ быть причисленъ къ русскимъ философамъ.

²⁾ Лосскій. Обоснованіе мистичес. эмпиризма. Воп. Филос. и Психол. кн. 75, стр. 507.

болѣе родственныя по своей сущности съ ученіемъ Иисуса Христа, чѣмъ какое-либо другое философское направленіе.

Религіозно-философская система Соловьева уже не разъ подвергалась оцѣнкѣ въ общеполитической и богословской литературѣ; между тѣмъ какъ не менѣе интересное ученіе Тейхмюллера и основанной имъ школы пользуется несравненно меньшею извѣстностью. Задача настоящаго критическаго очерка и заключается въ томъ, чтобы дать систематическое изложеніе и посильную оцѣнку „персонализма“ ¹⁾ Тейхмюллера и его послѣдователей.

2. Въ своей „исторіи критическаго индивидуализма“ проф. Е. Бобровъ даетъ такую оцѣнку ученію Лейбница: „Лейбницъ, говоритъ онъ, далъ исконному христіанскому воззрѣнію, которое было выражено *in crudo* и скрыто подъ образами и метафорами, философскую формулировку въ строгихъ метафизическихъ понятіяхъ ²⁾. Основныя метафизическія положенія христіанства, служація „краеугольнымъ камнемъ“ для возведенія величественнаго „умозрительнаго зданія“,—понятія личности, системы міра ³⁾ и психической однородности особей—впервые были объединены только здѣсь въ цѣлостную философскую систему. Вотъ почему Лейбницъ и долженъ считаться основагелемъ новаго направленія фило-

¹⁾ Название „персонализма“ усвоено этому направленію философіи ея главнымъ представителемъ Г. Тейхмюллеромъ. Его послѣдователи въ русской философской литературѣ, обращая вниманіе на существенную особенность онтологіи, выработанной этимъ направленіемъ, называли его „панпсихизмомъ“ (А. А. Козловъ), а по его гносеологическимъ основаніямъ—„критическимъ индивидуализмомъ“ (Е. А. Бобровъ). Въ виду того, что основателемъ этого направленія философіи должно считать Лейбница, почему и лозунгомъ представителей персонализма является—„назадъ къ Лейбницу“! (Е. Бобровъ.—„Изъ исторіи критическаго индивидуализма“, стр. 40), это направленіе необходимо считать однимъ изъ видовъ неолейбницянства въ русской философіи.

²⁾ Ср. ст., стр. 27.

³⁾ „Система міра“ точнѣе можетъ быть опредѣлена какъ система или организація личностей, являющаяся результатомъ взаимодействія личностей.

софіи, которое можетъ быть охарактеризовано какъ христіанскій теизмъ. Его продолжателями въ послѣднее время являются Тейхмюллеръ, считавшій для себя за честь быть лейбниціанцемъ (ein Leibnizianer heissen)¹⁾, Козловъ²⁾, Е. Бобровъ и Озе. Какъ видно число послѣдователей и приверженцевъ въ Россіи этого направленія философіи слишкомъ незначительно³⁾, что объясняется, по мнѣнію Боброва, его отвлеченностью, требующею „значительнаго напряженія мышленія, долговременнаго углубленія въ паюотвлеченнѣйшія проблемы, а главное, — большой смѣлости и самостоятельности“⁴⁾. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о законченности системы критическаго индивидуализма. Наибольше разработанными въ ней являются проблемы гносеологіи и отчасти онтологіи.

3. Исходный пунктъ гносеологіи критическаго индивидуализма — различіе сознанія и знанія. Основное различіе между ними состоитъ въ томъ, что непосредственное сознаніе заключаетъ въ себѣ весь нашъ опытъ, который объединяется по закону достаточнаго основанія въ сложную систему, образуящую возможное для насъ знаніе.

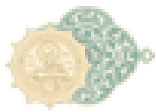
Отсюда все наше знаніе есть собственно знаніе о сознаніи, такъ что нѣтъ никакого раздвоенія между объектомъ

¹⁾ Die wirkliche und die scheinbare Welt, v. G. Teichmüller, S. 138. Впрочемъ, отношеніе Тейхмюллера къ Лейбницу не всегда оставалось одинаковымъ. См. объ этомъ Е. Бобровъ. „Этюды по метафизикѣ Лейбница“. Варшава, 1905 г., стр. 5—41.

²⁾ Подробный перечень трудовъ Тейхмюллера и Козлова данъ въ трудѣ Е. Боброва „Философія въ Россіи“, выи 1 й и 2-й.

³⁾ На Западѣ представителями индивидуалистической метафизики являются прежде всего послѣдователи Лотце и Герберта, затѣмъ — Робертъ Гамерлингъ и В. Кнауеръ, который въ своемъ трудѣ — „Die Hauptproblem d. Philosophie in ihre Entwickl.“, разсматриваетъ индивидуализмъ послѣднимъ словомъ философіи.

⁴⁾ С. Бобровъ. — „Изъ исторіи крит. индивидуализма“, стр. 41.

познанія и самымъ познаніемъ, носящимъ поэтому имманентный, а не трансцендентный характеръ. Такое опредѣленіе отношенія между знаніемъ и сознаніемъ ведетъ къ новой постановкѣ гносеологическихъ проблемъ и къ коренному пересмотру всей критической философіи. Въмѣстѣ съ этимъ выдвигается на первый планъ наука психологія, какъ первая философская дисциплина, дающая матеріалъ и основанія для рѣшенія гносеологическихъ вопросовъ. Къ психологіи необходимо обратиться прежде всего для рѣшенія вопроса о томъ, что такое наше сознаніе?

Все достояніе нашего сознанія по основному положенію общей психологіи, раздѣляется на два слоя: 1) слой сознанія неразложимаго, первичнаго, элементарнаго, и 2) слой сознанія вторичнаго, производнаго или сложнаго¹⁾. Въ нашемъ непосредственномъ наблюденіи намъ дано только сознаніе вторичное, или производное, такъ какъ обычно къ самонаблюденію обращаются только тогда, когда сознаніе бываетъ уже сплошь занознено сложными группами. Что-же касается первичнаго или элементарнаго сознанія, то оно только постулируется нашимъ мышленіемъ; а его содержаніе является для насъ искомымъ и опредѣляется черезъ приложеніе къ душевнымъ явленіямъ „психической химіи“. Основнымъ мотивомъ, по которому необходимо признать сложность наличнаго состоянія сознанія, служитъ тотъ непосредственно подмѣчаемый фактъ, что части однѣхъ группъ входятъ въ содержаніе другихъ, обнаруживая, такимъ образомъ, ихъ сложность. Путемъ постепеннаго разложенія сложныхъ психическихъ группъ можно дойти до первичныхъ элементовъ со-

¹⁾ Е. Бобровъ. „Ист. крит. индивидуализма“, стр. 7. То же у Тейхмюллера и А. Жозлова.

знанія, или, такъ называемыхъ, „психическихъ атомовъ“. Признаками, на основаніи которыхъ можно опредѣлить первичность элементовъ сознанія, служатъ ихъ атомность, или дальнѣйшая неразложимость и неизмѣнность. Руководясь этими признаками, представители современного неолейбниціанства причисляютъ къ элементарнымъ состояніямъ сознанія, прежде всего, двигательныя функціи души, куда относятся всѣ ощущенія, поскольку они служатъ выраженіемъ взаимоотношенія между нашимъ Я и другими субстанціями ¹⁾, функціи фантазіи и мышленія и, наконецъ, акты чувства—воли. Къ элементарнымъ же состояніямъ сознанія они относятъ и Я, которое необходимо входитъ въ каждую изъ психическихъ группъ, придавая имъ характеръ единства и обуславливая собою саму возможность ихъ сознанія, а—слѣдовательно—и существованія. При такомъ опредѣленіи первичнаго сознанія кладется рѣзкое различіе между ощущеніемъ и познаніемъ, отождествляется чувство и воля и, наконецъ, Я разсматривается какъ самостоятельный элементъ на ряду съ остальными психическими элементами. Все это имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для гносеологіи, а затѣмъ и онтологіи неолейбниціанства.

Обыкновенно въ такъ называемыхъ интеллектуалистическихъ психологическихъ системахъ ощущенія разсматриваются какъ низшія проявленія познавательной способности человѣка. Основаніемъ для такого взгляда служитъ, съ одной стороны, то проєктивистическое предположеніе, будто чувственныя ощущенія открываютъ намъ транссубъективный міръ, давая такимъ образомъ возможность его познанія, а—съ другой—смѣшеніе сознанія и знанія. Въ дѣйствительности же ощущенія—чуждо субъективныя состоянія сознанія,

¹⁾ Teichmüller Neue Grunglegung d. Psychologie und Logik, S. 78.

не открывающія объективнаго міра, а только возникающія по поводу взаимодѣйствія нашего Я съ этимъ міромъ. Они всегда сознательны, но не даютъ никакого знанія. Чтобы понять это необходимо имѣть въ виду рѣзкое различіе сознанія отъ познанія, которое является только одной изъ многихъ функцій элементарнаго сознанія.

Итакъ, основными психическими атомами являются двигательныя функціи души и Я, какъ самостоятельный атомный элементъ на ряду съ ощущеніями, чувствомъ—волей и т. п. Но всѣ эти элементы психической жизни никогда не существуютъ порознь, но всегда координируются, или связываются въ сложныя психическія системы; эти психическія единства снова координируются между собою въ еще болѣе сложныя системы второго порядка и т. д. Въ постепенномъ осложненіи психической жизни заключается развитіе души, а совокупность этихъ системъ образуетъ сложное или производное сознаніе. Такая координація производится по двумъ типамъ: или объединеніе даннаго въ непосредственномъ сознаніи матеріала производится безъ всякой опредѣленной точки зрѣнія, только по механической необходимости; или же эта координація обусловливается какою-либо точкою зрѣнія, общей категоріей. Первый типъ координаціи называется воображеніемъ, а второй составляетъ дѣятельность мышленія. Продукты воображенія, напр., представленія, художественные образы, являются „техническими системами“, или такими единствами, психическими группами, которыя образуются на основаніи механической необходимости. Въ нихъ еще нѣтъ знанія¹⁾, но они даны прямо непосредственному сознанію.

¹⁾ Ученіе Тейхмюллера о воображеніи недостаточно разработано; Е. Бобровъ указалъ цѣлый рядъ противорѣчій по этому вопросу въ позднѣйшемъ сочиненіи Тейхмюллера: „Новыя основоположенія психологіи и логики“ (Е. Воб-

Въ мышленіи всякое объединеніе производится съ опредѣленной точки зрѣнія, по одному опредѣленному закону, называемому закономъ достаточнаго основанія. Основаніемъ этого соединенія служатъ точки зрѣнія, или категоріи, которыхъ гораздо больше, чѣмъ указано у Аристотеля или Канта. Важнѣйшими категоріями можно считать принадлежность ¹⁾, единство и множественность (индивидъ и координатія) ²⁾, причину и слѣдствіе и т. д. Если всякій даже самый простѣйшій актъ мышленія состоитъ въ координатіи данныхъ непосредственнаго сознанія съ какой-либо опредѣленной точки зрѣнія, то, слѣдовательно, мысль есть умозаключающая дѣятельность. Уже изъ этого опредѣленія мышленія видно, что различіе истины и лжи возможно только въ познаніи, такъ какъ въ познаніи только возможна правильная или неправильная координатія по даннымъ категоріямъ. Правильность же логическихъ построеній мышленія опредѣляется логическими чувствованіями, на координатіи которыхъ съ содержаніемъ интеллектуальной дѣятельности основывается идея истины ³⁾.

На основаніи даннаго опредѣленія мышленія можно точно установить отношеніе познанія къ сознанію. Въ то время какъ познаніе есть заключеніе, необходимо предполагающее матеріалъ соотношенія и опредѣленную точку зрѣнія, или общую категорію, какъ *terminus medius*,—простое сознаніе не требуетъ никакихъ соотносительныхъ точекъ и есть ничѣмъ неопосредствованное знаніе. И познаніе и сознаніе суть одинаково знаніе, относящееся къ содержанію

бровъ, „О понятіи искусства“, стр. 149 и далѣе). Положительное рѣшеніе вопроса дано Е. Бобровымъ.

¹⁾ А. Козловъ, „Сознаніе о Богѣ и знаніе Бога“. Вопросы филос., кн. 29, стр. 448.

²⁾ Бобровъ, „Психогенезисъ вѣдущаго міра“. Вѣстникъ психологіи, 1904, кн. 1, стр. 135.

³⁾ *Teichmüller*, „*Religionsphilosophie*“, S. 39, 40 и др.

психической жизни, но первое есть знаніе опосредствованное, а второе—непосредственное, интуитивное знаніе, вполне совпадающее съ своимъ содержаніемъ. Такъ, напр., переживаемое нами ощущеніе какого-либо цвѣта есть не познаніе, а простое сознаніе; но какъ скоро мы это ощущеніе координируемъ съ какими-либо другими соотносительными точками и результатъ этого соотношенія выразимъ въ предложеніи, то получится уже знаніе объ этомъ ощущеніи. Вотъ почему данныя непосредственнаго сознанія только переживаются нами и не могутъ быть выражены въ словѣ ¹⁾; рѣчь, облекающаяся въ предложеніе, какъ свою основную форму, имѣетъ отношеніе только къ продуктамъ мышленія. Сознаніе есть общая форма психической жизни, почему не можетъ быть и рѣчи объ абсолютно безсознательныхъ явленіяхъ. Такъ называемыя безсознательныя психическія состоянія должны быть разсматриваемы какъ низшая степень интенсивности тѣхъ или другихъ явленій, о которыхъ говорятъ, что они находятся у „порога сознанія“ ²⁾. Къ сознанію, понимаемому такимъ образомъ, неприменимъ предикатъ истиннаго и ложнаго: оно только *есть* въ той или другой степени интенсивности, только переживается нами и даже не можетъ, какъ мы видѣли, быть выражено въ словѣ. Если критерій истины относится къ познанію, то въ сознаніи данъ *критерій реальности*, потому что наличное существованіе чего-либо дано только въ непосредственномъ сознаніи, которое необходимо совпадаетъ съ реальнымъ бытіемъ.

Основное положеніе неолейбниціанства о сознаніи, какъ критеріи реальнаго бытія, приводитъ къ тому существенно-

¹⁾ А. Козловъ, „Сознаніе о Богѣ и знаніе о Богѣ“. Вопросы филос., кн. 29, стр. 447.

²⁾ Эта мысль настойчиво проводится неолейбниціанцами, Тейхмюллера. „*Rezeptionis theia*“, русск. пер. 1905 г., стр. 89—91, 138—148; Е. Вобровъ, „О самосознаніи“, стр. 9; А. Козловъ, „Свое слово“, № 5, стр. 124; „Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ“, Вопросы филос., кн. 29, стр. 445—447.

му гносеологическому выводу, что единственный материалъ для построения понятія бытія можетъ быть данъ только въ непосредственномъ сознаніи. Это понятіе бытія является столь-же важнымъ пунктомъ въ гносеологіи неолейбниціанства, какъ и различіе сознанія отъ знанія. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ устанавливать понятіе объективнаго бытія, прежде чѣмъ признавать что-либо сущимъ,—необходимо опредѣлить, что такое бытіе вообще, какъ возникаетъ понятіе о немъ, каковы его признаки и содержаніе? ¹⁾ На всѣ эти вопросы былъ данъ отвѣтъ въ ученіи Тейхмюллера о „трихотоміи бытія“. Установку понятія бытія онъ производитъ двумя путями или методами—лексикографическимъ и діалектическимъ, придавая большее значеніе послѣднему, такъ какъ лексикографическій методъ, основанный на простомъ анализѣ словъ, не можетъ имѣть научно философскаго значенія ²⁾. Методъ діалектический основывается на анализѣ данныхъ непосредственнаго сознанія, въ которомъ необходимо различаются три вида бытія. Обращая вниманіе на постоянную смѣну психическихъ явленій мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, уже указанныя функціи психической дѣятельности, а съ другой—содержаніе всѣхъ этихъ функцій. Изъ сравненія того и другого становится яснымъ, что въ то время какъ различные акты нашей психической жизни постоянно смѣняются одинъ другимъ, ихъ содержаніе, повторяясь безчисленное число разъ, постоянно остается неизмѣннымъ и тождественнымъ. Въ то время какъ одно ощущеніе смѣняется другимъ, одна мысль—все новыми и новыми мыслями, чувство пріятное—непріятными, постоянно измѣняющимися при этомъ по своей интенсивности; самое содержаніе всѣхъ этихъ актовъ, напр., красота, удовольствіе и т. п.

¹⁾ Е. Бобровъ, „О понятіи бытія“, стр. 3.

²⁾ Die wirkliche und scheinbare Welt, S. 49.

постоянно остается неизмѣннымъ. Отсюда понятно, что въ непосредственномъ сознаніи необходимо различать двойное бытіе: 1) постоянное, единое и тождественное (*Das Was*) или—иначе—идеальное бытіе и 2) множественное, вѣчно текучее или реальное бытіе (*Das Dass*). Но при всемъ своемъ различіи эти два вида бытія никогда не могутъ существовать отдѣльно одинъ отъ другого: никакой актъ психической жизни не можетъ существовать отдѣльно отъ своего содержанія; но невозможно допустить и обратнаго предположенія, — всякое чувствованіе, ощущеніе необходимо существуетъ въ связи съ какимъ-либо психическимъ актомъ, или воспоминается и мыслится нами или же непосредственно переживается въ нашемъ сознаніи. Значитъ, изолировать и обособить одинъ родъ бытія отъ другого невозможно. Необходимо допустить единое бытіе, которое сознаетъ какъ свою наличность, такъ и содержаніе ¹⁾). Но идеальное бытіе, какъ было показано, не только различается отъ бытія реальнаго, но и само въ себѣ представляетъ весьма большое разнообразіе, не сводящееся къ единству, но образующее цѣлый рядъ логическихъ соединеній. Обращая вниманіе на то, что отдѣльные идеальныя элементы встрѣчаются въ сознаніи и обособленно и въ связи другъ съ другомъ, мы необходимо должны допустить третье бытіе, которое производило бы и самый анализъ и соотношеніе въ извѣстныя логическія группы. Безъ этого третьяго бытія, безъ того единства сознанія, которое бы одновременно присутствовало въ идеальномъ и реальномъ бытіи, различая и соединяя его въ разнообразныя группы, не было бы и самаго образованія этихъ группъ. Слѣдовательно, благодаря единству сознанія, которое и ощущаетъ и чувствуетъ, возможна связь столь разнородныхъ по природѣ психическихъ актовъ. Въ этомъ же единствѣ исчезаетъ раз-

¹⁾ Die wirkliche und scheinbare Welt, S. 55.

личіе дѣятельностей отъ ихъ содержанія. Такимъ образомъ, дѣятельность и содержаніе относятся къ третьему бытію, какъ атрибуты относятся къ своей субстанціи ¹⁾. Итакъ, третье бытіе есть бытіе субстанціальное или Я,—то элементарное сознаніе, которое подобно элементамъ бытія идеальнаго и реальнаго, можетъ быть названо „психическимъ атомомъ“ ¹⁾. Его элементарность доказывается тѣмъ, что оно не есть ни образъ нашего тѣла, ни результатъ соединенія идеальнаго и реальнаго бытія, которое оказывается только однимъ соотносительнымъ пунктомъ, необходимо предполагающимъ для самаго акта соотношеніе другой, объединяющей при этомъ всѣ соотношенныя группы элементовъ непосредственнаго сознанія. Итакъ, Я—есть психическій атомъ; его отличіе отъ прочихъ атомовъ или элементовъ идеальнаго и реальнаго бытія заключается въ томъ, что въ то время какъ послѣдніе, соединяясь въ самыя разнообразныя группы, постоянно замѣняются одинъ другимъ, Я необходимо и неизмѣнно присутствуетъ въ каждой такой группѣ, составляя существенную основу психической системы, или такъ называемаго „момента сознанія“. Уже было показано, что соединеніе или координація производятся воображеніемъ и мышленіемъ, которое путемъ сравненія и комбинаціи образуетъ и понятіе бытія. Найденные аналитическимъ путемъ три первичные элемента непосредственнаго сознанія—идеальное, реальное и субстанціальное бытіе, или Я—соединяются теперь въ одно цѣлостное понятіе бытія. Такое соединеніе оказывается воиолѣ необходимымъ уже въ силу того, что понятія идеальнаго и реальнаго суть понятія коррелятивныя, какъ отецъ и сынъ, господинъ и слуга,—одно безъ другого не можетъ существовать, почему въ нашемъ непосредственномъ

слово“, № 2, стр. 51.

²⁾ Е. Бобровъ, „О самосознаніи“, стр. 8.

сознаніи они всегда и существуютъ совмѣстно. Но это совмѣстное существованіе возможно только въ единствѣ сознанія, при существованіи единаго соотносящаго пункта, который образуетъ такъ называемое субстанціальное бытіе. Такимъ образомъ, все существуетъ въ единомъ, которое не есть, по выраженію Тейхмюллера, Dasein-Was (субъектъ-объектъ), такъ какъ Я заключаетъ въ себѣ всѣ желанія, чувствованія, движенія, всѣ акты психической жизни, съ которыми представляемый объектъ только координируется, но не отождествляется всецѣло. Отсюда понятіе бытія, съ точки зрѣнія неолейбницянства, не исчерпывается ни реальнымъ бытіемъ (матеріализмъ и позитивизмъ), ни идеальнымъ (идеализмъ), ни тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (спинозизмъ), а должно быть опредѣлено такимъ образомъ: оно есть совокупность и единство содержанія (иначе объектовъ, потому что бытіе, какъ содержаніе, есть совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ объектовъ) и дѣятельностей, при томъ единство не какъ сумма или цѣлое въ отношеніи къ своимъ частямъ, а какъ единство субстанціальное, т. е. единство субстанціи въ отношеніи къ ея акциденціямъ, или атрибутамъ ¹⁾).

Итакъ, весь ходъ ученія критическаго индивидуализма о бытіи можно представить въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Источникомъ для понятія бытія служитъ первоначальное, непосредственное сознаніе, съ данными въ немъ тремя группами психическихъ атомовъ, или элементовъ сознанія: идеальнаго (содержаніе, объекты), реальнаго (дѣятельности, акты психической жизни) и субстанціального (единство сознанія, или—точнѣе—единый и постоянно тождественный пунктъ для соотношенія всѣхъ прочихъ смѣняющихся элементовъ сознанія) бытія; 2) Но ни одно изъ этихъ трехъ группъ элементовъ сознанія, взятое само по себѣ, не исчерпываетъ понятія бы-

¹⁾ Teichmüller. Die wirkli. und scheinb. Welt, S. 173; А. Козловъ, „Свое слово“, № 2, стр. 53.

тія, которое образуется только изъ соотнесенія всѣхъ этихъ группъ. 3) Самое соотнесеніе производится нашимъ мышленіемъ при помощи категоріи субстанціи, или принадлежности; отсюда и понятіе бытія, основываясь на элементахъ непосредственнаго сознанія, оказывается даннымъ въ сознаніи производномъ; 4) Точное опредѣленіе понятія бытія таково: оно есть единство сознанія насъ самихъ, или нашего Я, нашей дѣятельности и всего ея содержанія; его архитипомъ является наше Я, данное намъ въ нашемъ самосознаніи¹⁾.

И. Четвериковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тейхмюллеръ отличаетъ сознаніе отъ самосознанія, какъ сознанія нашего Я. Die wirkл. und scheinbar. Welt. S. 59—61.